

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Кадькалова Э. П. Выход в теорию словообразования. Саратов: ООО «Буква», 2015. 341 с.

Книга «Выход в теорию словообразования» стала последним трудом Э. П. Кадькаловой и посмертным изданием, которое было подготовлено Ю. Г. Кадькаловым. В монографии обобщены раздумья автора о многих важнейших проблемах теории словообразования: понятиях производности и мотивированности, видах мотивированности, о соотношении мотивированности и лексической идиоматичности производного слова, о предмете и объекте словообразования. Центральное место в книге занимают два взаимосвязанных вопроса: о соотношении понятий «словообразовательная производность» и «словообразовательная мотивированность» и о построении «словообразовательной грамматики».

Рассуждения автора строятся на базе тщательного анализа истории становления, осмысления и переосмысления понятий «производность» и «мотивированность» применительно к материалу русского языка (от Ломоносова до наших дней). Одна из 3-х частей книги – историко-лингвистическая – называется «Ход времени и движение мысли» (с. 7–165).

В истории понятий «производность» и «мотивированность» в русистике от XVIII до XXI в. Э. П. Кадькалова выделяет как минимум четыре этапа с выходом на этап пятый. Это:

1) недифференцированное понятие *производное слово* (образованное, делимое на части, состоящее из воспроизводимых значимых частей и т. п.) – от М. В. Ломоносова;

2) понимание производности в качестве «бинарной» членимости основ разной степени сложности – продукта мотивированных обозначений предметов действительности – от Г. О. Винокура;

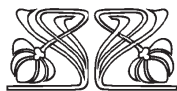
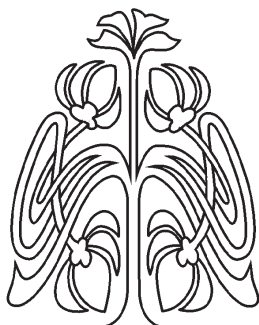
3) разграничение *членимости* (морфемного состава, оформленности) и *производности* (словообразовательной структуры) слов и основ – от Е. А. Земской, Н. М. Шанского и др.;

4) освобождение от синхронического понятия *производность* в пользу синхронической *мотивированности* (соответственно переход от формулы *производящее* → *производное* к формуле *мотивирующее* → *мотивированное* при изучении словообразовательной синхронии) – ОПОГ, АГ-70, РГ-80;

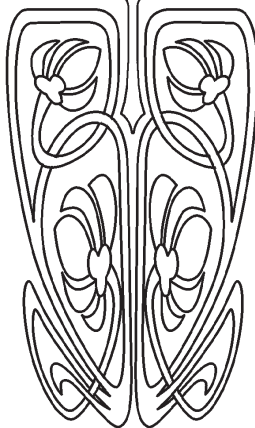
5) выход на новый этап разработки критериев разграничения отношений *членимость* – *производность* – *мотивированность* («словообразовательная мотивированность») как явлений сосуществующих, взаимоналожимых, но существенно разных по роли, бытованию и экспликации в языке.

Значительное место в книге занимает обсуждение вопроса о феномене мотивированности языкового знака, о типах мотивационных отношений между словами, о понятии «словообразовательная мотивированность». На конкретном языковом материале автор выстраивает «поле» возможных структурно-семантических связей между словами языка, в котором «могут как обособляться, так и совмещаться между-словные синтагматические отношения (МСО) – отношения однокорневых слов со свободными корнями (полными и усеченными, полными и десемантизированными) и междусловные парадигматические отношения (МПО) – отношения слов с общим связанным корнем или разнокорневых слов (с регулярными аффиксами, с омофинальными и омоинициальными частями разной природы и др.)...» (с. 208).

Исследователь ставит важный для теории словообразования вопрос: «все ли мотивационные отношения показанного поля соответствуют понятию *словообразовательных отношений* – точнее, отношений *значимых* для словообразования (**не**: рожденных словообразованием;

ПРИЛОЖЕНИЯ

такая трактовка уводила бы нас от синхронии языка)?» (с. 210). Э. П. Кадькалова склоняется к утвердительному ответу на поставленный вопрос, полагая, что словообразовательная мотивированность «не совпадает ни с узким представлением о словообразовательной мотивированности как структурно-семантической обусловленности слова другим словом с тем же корнем, ни, конечно, с констатацией фактического участия тех или иных виртуальных образцов в образовании реальных слов» (ср. слова «типа *жених, попадья, стеклярус*, которые, будучи носителями четко выраженной мотивированности однокорневыми словами, тем не менее по каким-то причинам не вышли на роль реальных словообразовательных образцов») (с. 215).

Словообразовательная мотивированность, по мысли автора, репрезентирует «потенциальные словопроизводственные способности системы языка» (с. 213), а «мотивационные (на основе понятия “словообразовательная мотивированность”) классификации слов, в том числе и при расширительном понимании словообразовательной мотивированности, способны вывести нас на знание резервов (виртуальных образцов) словопроизводства, но не более того» (с. 215). С этих позиций, пишет Э. П. Кадькалова, «словообразовательная мотивированность... может быть определена как мотивированность слова, достаточная для его выдвигания на роль виртуального словообразовательного образца. Мотивированное слово в этом случае может быть определено как такое, в материальной структуре которого так или иначе обозначен некий логико-интерпретативный и/или чувственно-ассоциативный сигнал номинативной технологии, доступный естественному восприятию носителей языка и повторному использованию в актах словопроизводства» (с. 212–213). И далее: «Понятая таким образом словообразовательная мотивированность складывается в широкое поле мотивированных слов, в структуре которых могут быть отражены МСО + МПО, только МПО, только МСО» («в каждом из трех показанных микрополей можно выделить свой центр и свою периферию») (с. 213).

В связи с обсуждением вопроса о *словообразовательно значимых* структурно-семантических мотивационных отношениях между словами интересным и перспективным представляется следующее рассуждение автора монографии: «...когда пытаешься собрать вместе слова, которые в той или иной ситуации вызывали сомнения, поскольку не укладывались ни в рубрику “чисто условных обозначений действительности” по Г. О. Винокуру, ни в рубрику слов, отвечающих показателю “словообразовательной мотивированности” (“мотивации”) по определению РГ-80 (с позиций определмости словообразовательно мотивированного слова через мотивирующее его слово с тем же корнем. – О. К.), то оказывается, что их очень много, чуть ли не больше тех, которые

беспрепятственно укладывались в обе названные рубрики. Не значит ли это, что *аналогическое* словопроизводство носит в языке всеобщий характер, а *корреляционное* и *дефиниционное* (по определению Е.С. Кубряковой) – всего лишь частные его проявления?» Вопрос, на который сегодня, замечает Э. П. Кадькалова, вряд ли возможен аргументированный ответ (с. 206).

Феномен *производности*, реализованный в *производном слове*, рассматривается в книге в аспектах отношения к языковому времени, функций производного слова в словопроизводственном процессе и лексической системе языка, места производного слова в уровне модели языка, соотношения мотивированности и идиоматичности в производном слове.

Производное слово в концепции Э. П. Кадькаловой – единица, соотносимая как с синхронией, так и с диахронией языка: «...*производное слово* – это всегда своеобразный синхронно-диахронный феномен: *продукт* процесса продвижения (“было – стало / не было – появилось”) от накопленного в языке строевого материала и аналогических на него реакций человека к созданию окказиональных (ситуативных) “вербидов” и вызреванию на их основе лексем языкового стандарта. В синхронии языка *производное слово* остается таковым лишь постольку (и до тех пор), поскольку в контексте своих системных связей осознается как (1) обладающее структурной и семантической мотивированностью (единственной или неединственной) другим словом (сочетанием слов им под.) с тем же корнем, (2) большей сложностью (по обоим или одному из указанных параметров) в сравнении с мотиватором и (3) энергией словообразовательного образца (образцовой словообразовательной модели; в случаях неединственной мотивированности – вариативной)...» (с. 233).

И в той, и в другой временной плоскости производное слово «открывается как своеобразная “двухуровневая” единица – (1) *словообразовательная модель*, отсюда и *словообразовательный образец* и (2) *номинативный знак*.

Как словообразовательная модель (и образец) оно представляет собою *бинарную структуру*, базирующуюся на ею же реализуемом (мотивируемом) *словообразовательном значении* (семантике ‘связи’ итоговой единицы с единицей исходной). *Разделить их нельзя: это две составляющие единого феномена – словообразовательной модели, обладающей строем, выводимым из им же выраженной зависимости производного от производящего* – как в словообразовательно мотивированных словах, так и в номинативно идиоматичных словах-метафорах.

Как номинативный знак производное слово – это “мотивированная идиома”, совмещающая в своей семантике структурно выраженные значения – словообразовательное и грамматическое – с неизбежно в той или иной мере “скрытым” (идиоматичным) лексическим значением» (с. 325).

Главное, что выделяет производное слово из ряда других структурно-семантических категорий слов, – это «*функция словообразовательного образца*» (с. 263). Данная функция, по наблюдениям автора, реализуется при сочетании «языкового и личностного факторов в процессах словопроизводства» в трех основных видах: 1) ориентация на регулярные и продуктивные словообразовательные образцы, представленные в узуальных производных, – независимо от частотности такого рода производных в речи самого «творца слова»; 2) ориентация на регулярные словообразовательные образцы производных слов, наиболее частотных в речи самого «творца слова»; 3) «внетиповое» (произвольное) словотворчество на основе приемов преобразования слов путем замены звуков или морфем (*супер* → *пупер*; *подкоп* → *раскоп*), сочетания реальных слов или их частей (*хочмячокнетя*; *Чубайс* + *ваучер* → *чубаучер*) (с. 261).

Рассуждая об «уровневом» статусе производного слова, автор монографии, во-первых, считает целесообразным опираться на понимание уровня языка «в качестве среза его [языка] сложной, но целостной структуры, представляющего собой систему относительно однородных единиц с общей коммуникативно значимой функцией» (с. 245), и, во-вторых, разграничивать для характеристики словообразовательного «уровня» два типа его единиц: 1) *строительную конкретику*: производные и производящие слова, основы и образующие средства разных рангов; 2) *словообразовательные образцы* (словообразовательные «модели»), отчуждаемые от производных слов, словообразовательных пар и их группировок (с. 249).

Рассматривая соотношение феноменов мотивированности и производности, автор отмечает неравнозначность понятия «производность» и коррелятивной формулы «производящее → производное», равно как понятия «мотивированность» и коррелятивной формулы «мотивирующее → мотивированное», что ранее не обращало на себя внимания дериватологов. Э. П. Кадькалова пишет: «... темпоральные признаки формул “производящее → производное” и “мотивирующее → мотивированное” (в отличие от темпоральных признаков самих “производных” и “мотивированных” слов) не совпадают. Отношения “производящее → производное” – это фактически формула словообразовательного *процесса*. В любой синхронной системе языка (на любом участке его истории) она информирует о *наличной* в языке связи... *синхронно-диахронного* типа: “было (первичное слово) → стало, появилось (вторичное слово)” (в плане восприятия обязательно “первичное → вторичное”, хотя в реальности может быть и наоборот). В отличие от этого формула “мотивирующее → мотивированное” на любом синхронном участке истории языка несет в себе информацию о сугубо *синхронических* отноше-

ниях *сосуществования* двух однокоренных слов, находящихся во взаимной связи определенности одного (как правило, более сложного по составу) через другое» (с. 243).

По мнению Э. П. Кадькаловой, «для определения уникальной методической специфики словообразовательных исследований в целом предпочтительным является обращение “к термину” (точнее было бы сказать “к понятию”) *производное слово*, так как понятие *мотивированное слово* в большей степени уводит нас от словообразования в сторону лексико-семантических процессов» (с. 325). Производное слово «в ранге словообразовательного образца» – основной объект словообразовательной дериватологии.

Одной из основных задач науки о словообразовании, главным ее предметом автор считает построение «*словообразовательной грамматики*», выявление *правил словопроизводства* (решение вопроса о том, «как можно делать новые слова», по Л. В. Щербе). Многие страницы книги посвящены обоснованию научной ценности этой задачи и обсуждению способов ее достижимости.

Возможно ли практическое решение этой задачи, насколько реальна ее достижимость? Этим вопросом задается автор монографии: «Может ли такое определение “объекта” словообразовательной науки (как науки о действующих правилах образования слов. – О. К.) стать по-настоящему эффективным, работающим, результативным определением; можно ли действующие в языке правила образования слов наблюдать, извлечь из речевых актов и поставить на систематическое изучение? Если можно, то как? Как, например, определить, от чего в современном русском языке образуются слова типа *слесарничать*, *токарничать*: от названий лиц или от прилагательных, рожденных соответствующими названиями (“быть слесарем” или “быть мастером слесарного дела”/ “выполнять слесарную работу”)? Список подобных вопросов можно продолжить». «И тем не менее, – пишет Э. П. Кадькалова, – по ходу времени стремление дериватологов выйти в зону изучения действующих в синхронии правил словопроизводства явно усиливается» (с. 5).

Встает вопрос о *материале*, на котором такая задача выполнима, и о *методике* его исследования.

Вопрос о том, «как можно делать новые слова», решается, по убеждению автора, только на основе глубокого проникновения в то, «как сделаны слова». Остановив внимание на получившей большую популярность формуле Л. В. Щербы («вопрос о том, “как можно делать новые слова” (вопрос о правилах словообразования) принадлежит грамматике, вопрос же о том, “как сделаны готовые слова” – дело словаря»), Э. П. Кадькалова видит ее ценность не в противопоставлении или изоляции двух аспектов анализа производных слов (как этот нередко происходит), а в признании «их неоднородной функции в системе языка: в роли

типа *лексем* и собственно словообразовательных образцов» (с. 23). Такое понимание глубокого и выразительного определения Л. В. Щербы подчеркивает двуединство и тесное взаимодействие «словообразовательной грамматики» и «словообразовательной лексикологии».

В этом взаимодействии вопрос о том, «как сделаны слова», подчеркивает Э. П. Кадькалова, не имеет этимологического содержания (вопрос об этимологии слов составляет самостоятельную проблему). «Как сделаны слова» – это вопрос о том, «как они осознаются сделанными (отсюда и как “членятся”)» в контексте их структурно-семантических связей с другими (сосуществующими с ними в данной лексической системе) словами того же корня» (с. 219). От того, как слова осознаются сделанными, зависит и то, как они членятся, и то, как можно делать новые слова. Реальный словотворческий процесс идет «от воспринимаемых конструкций “готовых” слов к стимулируемым ими конструкциям слов потенциальных» (с. 5).

Любые ли производные (мотивированные) слова являются носителями той словообразовательной мотивированности, которая наиболее информативна для выявления правил словопроизводства? Э. П. Кадькалова пишет об этом: «Несомненно, что главным путем пополнения состава узуальной лексики является аналогия, основанная на точном копировании продуктивных языковых моделей сбывшихся производных слов – основного фонда накопленных языком словообразовательных образцов. Другие “аналоги” имеют меньше шансов войти в языковой узус, а следовательно, стать полноценным экраном действующих в синхронии законов словопроизводства. И все-таки опора говорящего на слова “готовые” при создании новых слов (вербоидов) так или иначе *всегда* дает о себе знать, что само по себе позволяет (или даже предписывает) основным (исходным) *материалом изучения* в дериватологии считать производные слова во всех их разновидностях и аспектах бытия» (с. 263).

С помощью какой методики исследователь может выйти к раскрытию действующих на данном синхронном срезе правил словопроизводства? Эта задача, по мнению автора, практически неосуществима «без опоры на методику последовательного (систематического), комплексного (мотивированность/производность в их совокупности), синхронно-диахронного (современного и исторического) анализа “готовых” слов» (с. 326–327).

Названные методические принципы применены в книге Э. П. Кадькаловой к описанию конкретного языкового материала – *производных глаголов деятельности и глаголов поведения* (глава «От теоретических постулатов к иллюстративному материалу» – с. 264–319). Производные глаголы деятельности и поведения на *-ить, -ничать, -ствовать* (типа *портняжить, слесарничать,*

секретарствовать; лицемерить, кокетничать, зверствовать) рассмотрены автором:

1) в составе соответствующих словообразовательных категорий (в каждом случае – для глаголов деятельности и для глаголов поведения – проанализирована вся совокупность словообразовательных типов с общим словообразовательным значением);

2) с учетом тематических групп мотивирующих эти глаголы имен лиц (что позволило выделить ядро мотивационной базы глаголов каждого типа);

3) с учетом всего спектра ограничений к реализации каждой из словообразовательных моделей;

4) с привлечением систематических исторических данных.

В результате автору удалось сформулировать *правила образования агентивных глаголов*. Во-первых, доказано, что правилом является их образование на базе имен лиц (а не других возможных мотиваторов: абстрактных существительных и прилагательных типа *губернаторство, нахальный* и под.). Во-вторых, выявлена преимущественно работающая логика распределения «контактных» моделей в границах глаголов ‘деятельности’ и глаголов ‘поведения’. Эта логика может быть сведена к двум стандартным ситуациям:

1) дистрибуция моделей на *-ить, -ничать, -ствовать* в соотношении с названиями лиц *по роду деятельности* зависит от социального статуса («престижа») соответствующего рода деятельности: высокие должности, интеллектуальный труд ← *-ствовать (директорствовать)*; практическая, прикладная работа ← *-ить* и/или *-ничать (бочарить, слесарничать)*;

2) в соотношении с *оценочными именами лиц* (по образу жизни, чертам характера, поведению) дистрибуция этих же трех моделей зависит, главным образом, от степени пейоративности той оценки, которая заключена в имени лица, а затем (в зоне промежуточных оценок) – и от эмоциональной реакции говорящего. Снисходительное порицание ← только *-ить (бедокурить)*; рациональная констатация непростительной порочности ← только *-ствовать (ренегатствовать)*; в промежуточной зоне при повышенном эмоциональном «неприятии» говорящим оцениваемого ← *-ничать (разгильдяйничать)* (с. 318–319).

В заключении книги, определяя перспективы научного поиска действующих в языке законов словопроизводства, Э. П. Кадькалова пишет: «...для осуществления систематического исследования в языке законов словообразования явно недостаточна та классификация производных слов (первая в русистике и на сегодняшний день единственная), которая представлена в академических грамматиках современного русского языка. Нужна классификация, основанная на учете значительно большего набора определяющих признаков производящих и производных единиц: (1) не только

“лексико-грамматических свойств” производящих “основ” (слов), но и их когнитивных, экспрессивно-стилистических, структурных и фонетических характеристик, (2) не только “семантического соотношения между производным и производящим”, но и отношений, в которые анализируемые производные включаются в соответствующих тематических группах, синонимических и одноформантных рядах, в соответствующих гнездах, (3) не только “словообразовательной структуры” производных (их “способа производства и словообразующей морфемы”), но и вклада компонентов словообразовательной структуры производного

слова в его семантику (ср. *озаботить*, *озаглавить*, *огласить*, но *огорошить*, *околпачить*), и возможных вариантов членения анализируемых производных (ср.: *плотнич-а-ть*, но *столяр-нича-ть* и *столяр-н-ича-ть*). Выйти на такую классификацию производных слов – одна из важнейших и очень трудоемких задач дериватологии» (с. 326).

Здесь автором обозначены важные векторы развития дериватологии XXI в., пути ее выхода фактически к анализу словарного состава языка в целом – под углом зрения словообразования.

О. Ю. Крючкова

АЛЕКСАНДР ТУФАНОВ: ОТ ЗАУМИ – К СОНЕТНОМУ ВЕНКУ СТАЛИНУ

Письма ссыльного литератора: Переписка А. В. и М. В. Туфанова (1921–1942) / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. Т. М. Двинятиной и А. В. Крусанова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 904 с.: ил.

Образ Александра Туфанова – загадочного «Председателя Земного Шара Зауми», как он себя называл, делаясь тем самым преемником Велимира Хлебникова, теперь стал яснее и жизненнее благодаря этой книге, в которую вошла его уникальная переписка с женой на протяжении почти 20 лет.

Эти письма, сохранившиеся в архиве Туфанова в Рукописном отделе Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом), разобранные Татьяной Двинятиной и опубликованные и прокомментированные ею совместно с А. В. Крусановым, теперь дают возможность прекратить многие споры и исправить многие ошибки в биографии Туфанова. Долгое время его считали малоизвестным поэтом, русским футуристом, опоздавшим не только на торжество футуризма, но и даже на его похороны. Изредка упоминали его роль поэтического наставника будущих обэриутов Д. Хармса и А. Введенского на первом этапе их творческого пути.

Публикуемая переписка охватывает 20 лет письменного общения – с момента знакомства, когда Александр Васильевич Туфанов и Мария Валентиновна Тахистова еще не только не были женаты, но лишь начинали свой путь друг к другу. И далее – подробные, искренние письма: из Петрограда в Галич, из лагеря в Потье в Ленинград, а затем – письма из Орла, Новгорода и – самые трагические – с дороги в эвакуацию и последние – от умирающего Туфанова из Галича. По жуткой иронии судьбы, его жена выжила в страшном блокадном Ленинграде, а он – умер от истощения в эвакуации,

Среди всех арестованных по делу Детиздата в конце 1931 г. Туфанов получил самый большой срок – 5 лет концлагерей. К счастью, в эти «вегетарианские» времена он отбыл только два года – «помогла» инвалидность. Но вернуться в Ленинград, к жене, ему было уже не суждено. Оставшийся

срок заключения Туфанову был заменен высылкой. Поэтому еще два с половиной года он жил в Орле, а после окончательного освобождения – в Новгороде. Прописка в Ленинграде, приграничном городе, человеку с судимостью была запрещена, а добиться ее снятия он так и не смог.

Письма приоткрывают нам жуткий мир районного города средней полосы России: шпана, хулиганье, хамство, невозможность общения. Предельная изоляция и одиночество. Единственное спасение – почти ежедневные письма жене и почти столь же частые письма от нее, а еще – многочасовая работа над переводами Шекспира. И почти три года – вплоть до устройства Туфанова на работу в Новгороде – Мария Валентиновна спасала своего мужа, посылая ему деньги (половину скудного жалования), посылки с вещами и продуктами. Если бы не это, Туфанов бы умер гораздо раньше: советская власть не заботилась, на что будут жить ссыльные и высланные, которых зачастую не брали ни на какую работу. Можно смело сказать, что Мария Валентиновна Туфанова полностью соответствует той ахматовской женщине-героине, у которой уже ничего не осталось кроме ежедневной тюремной очереди.

Публикация этих писем имеет очень большое значение для понимания внутренней эволюции Туфанова – от практика и теоретика зауми – к одам вождю и его приближенным. Но более чем спорным представляется утверждение, что Туфанов «незаметно сам для себя становится все больше похож на героев Зощенко, искренне вписывает в себя коммунистическую идеологию и утверждает в мысли, что “<г>олько у высших властей находишь правду”» (с. 16). Такое ощущение, что авторы предисловия забыли, как именно шел разговор через пространство у Туфанова и его жены. Дело происходило в 1930-е гг., – Туфанов, бывший лагерник, высланный с «минус 12» и лишенный избирательных прав, пишет своей жене письма,